

ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ПЕТРУХИН

ПЕРФЕКТ И ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ В НОВГОРОДСКОЙ
ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ ПО СИНОДАЛЬНОМУ СПИСКУ*

0. ПРОБЛЕМА

Историки русского языка неоднократно обращали внимание на пересечение функций перфекта и плюсквамперфекта в ранних восточнославянских летописях.

Так, Е. С. Истрина, исследовавшая Синодальный список Новгородской первой летописи (далее – просто НПЛ), пишет: “Сопоставление употребления в Синод. сп. форм преждепрошедшего времени и сложных форм прошедшего на *-лъ* (перфект) приводит к следующим наблюдениям. Формы перфекта, употребляясь вне соотношения по времени к формам аористов, рядом с которыми они выступают в речи, не всегда сохраняют значение отношения к настоящему моменту; во многих случаях оно не обнаруживается; формы давнопрошедшего времени также называют действия вне прямого соотношения их к действию данных аористов. Поэтому, в некоторых случаях трудно уловить различие в употреблении той или другой формы” (Истрина 1923, 128; разрядка моя – П. П.).

К. ван Схоневелд считает, что в относительных придаточных значения “эллиптических” перфекта и плюсквамперфекта нейтрализуются, т. е. причастия на *-лъ* в этих случаях в равной степени могут рассматриваться как перфект или как плюсквамперфект без связки. Именно потому, что писец в подобных контекстах затруднялся в выборе одной из двух форм, он и опускал связку (van Schooneveld 1959, 118).

П. С. Кузнецов указывает, что “перфект в придаточных предложениях (особенно дополнительных) может иметь значение результата, отнесенного не к моменту речи, а ко времени действия главного предложения” (Кузнецов 1959, 220); комментируя ряд примеров из Повести временных лет, он пишет, что “в значительной части из рассмотренных случаев возможно было бы и давнопрошедшее время, поскольку речь идет о действии, по крайней мере начало которого относится к моменту, предшествующему действию главного предложения” (ibid., 121). Такое употребление исследователь считает свидетельством разрушения старой временной системы.

Э. Кленин также заметила, что в Лаврентьевской летописи (ПСРЛ, т. I) перфект и плюсквамперфект “often overlap, in ways still poorly understood” (Klenin 1993, 331).

А. А. Зализняк пишет, что в летописях две формы “в значительной части случаев выступают просто как грамматические синонимы” и что, “возможно, в таких контекстах плюсквамперфект воспринимался как несколько более литературная форма, чем перфект” (Зализняк 1995б, 157). Таким образом, по мнению А. А. Зализняка, выбор здесь мог быть чисто стилистическим.

Хотя неясность функционального распределения перфекта и плюсквамперфекта в ранних (как, впрочем, и в поздних) восточнославянских книжных текстах отмечалась многими исследователями, мне не известно ни одной публикации, специально посвященной этому вопросу. Предлагаемая работа представляет собой попытку разобраться в употреблении этих форм по крайней мере в одном тексте.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРФЕКТА И ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА В ДРЕВНЕРУССКОМ

1.1. **Древнерусский перфект** состоит из связки в форме глагола *быти* в настоящем времени и причастия на *-ль*; в третьем лице связка в большинстве случаев отсутствует. Ряд исследователей находит различия в функционировании перфекта со связкой и без нее (Истрина 1923; van Schooneveld 1959). Согласно классическому определению, перфект “обозначал отнесенное к настоящему времени состояние, являющееся результатом совершенного в прошлом действия” (Борковский, Кузнецов 1965, 275). Именно в этом значении, в соответствии с традиционной точкой зрения, перфект чаще всего выступает в прямой речи. В нарративе же он чаще выполняет иную функцию, на которую, по-видимому, первой обратила внимание Е. С. Истрина, отметившая, что в НПЛ “причастие на *-ль*” последовательно употребляется в некоторых типах придаточных предложений, “причем явление, обозначенное им, не входит в последовательную цепь событий, но стоит особняком, относясь к предшествующему времени” (Истрина 1923, 199). То же значение у перфекта (назовем его ретроспективным) отмечали Р. Якобсон (Jakobson 1948)¹ и другие исследователи (см. выше). На первый взгляд, это можно было бы трактовать как расширение канонического употребления перфекта: будучи формой, обозначающей действие в прошлом, результаты которого сохраняются в момент речи, он может использоваться и для обозначения действия, актуального для некоторого момента в

прошлом. Но в действительности ситуация сложнее: как показала Э. Кленин (Klenin 1993), ретроспективный перфект чаще всего имеет не-результативное, не-актуальное, а следовательно, не выводимое простым путем из его канонического значения.

Трактовки летописного употребления перфекта сильно варьируют в зависимости от того, к какому времени тот или иной исследователь относит утрату аориста в восточнославянском и, соответственно, превращение перфекта в форму простого прошедшего времени. Согласно “традиционной” точке зрения (Истрина 1923; Кузнецов 1959), аорист и перфект оставались семантически противопоставленными вплоть до, по крайней мере, середины XIII в., и, таким образом, ранние письменные памятники непосредственно отражают ситуацию в “живом” языке. Согласно другому взгляду, который Э. Кленин (1993) называет “ревизионистским” (Issatschenko 1980–1983; Горшкова, Хабургаев 1981; Успенский 1987/2002), аорист был утрачен в разговорном восточнославянском уже в XI в.; следовательно, практически с самого начала восточнославянской письменности его употребление было обусловлено ориентацией на образцовые книжные тексты, а употребление перфекта – влиянием разговорного языка.

Но, несмотря на различия в подходах, оба направления единодушно рассматривают ретроспективную функцию перфекта как свидетельство разрушения старой временной системы, с той разницей, что представители “традиционной” школы говорят о начале этого процесса, а “ревизионисты” – скорее о его последствиях². Ни та, ни другая точка зрения не учитывает того, что перфект может выполнять в тексте специальную функцию, имеющую лишь косвенное отношение к эволюции разговорного узуса.

Наиболее близка к такому подходу статья Эмили Кленин ‘The Perfect Tense in the Laurentian Manuscript of 1377’ (Klenin 1993). Э. Кленин обратила внимание на то, что для перфекта в Лаврентьевской летописи характерен целый ряд употреблений вне нарративной последовательности: помимо обозначения события, предшествующего некоторому событию в нарративной цепочке (как правило, выраженному аористом), перфект может выступать в изолированных сообщениях, в начале сообщения, в авторских комментариях, а также относиться к “заднему плану” повествования и выполнять “суммирующую функцию”, т. е. передавать информацию, которая в “канонической нарративной цепочке”, скорее всего, излагалась бы с помощью нескольких предикатов³. Однако исследовательница также связывает это употребление с разговорным узусом: отчасти возвращаясь к взглядам “традиционной” школы, она предположила, что наблюдаемые в Лав-

рентьевской летописи “не-нарративные” функции перфекта коррелируют с некоторой особой степенью его семантической эволюции в восточнославянском (ср. также, Klenin 1997, 323–324).

В настоящей работе не принимается а priori ни одна из перечисленных концепций, а традиционный термин “перфект” используется условно.

1.2. **Древнерусский книжный плюсквамперфект** состоит из имперфекта или так называемого “имперфективного аориста” глагола *быти* и причастия на *-ль*. Значение книжного плюсквамперфекта традиционно определяется как “действие, совершенное ранее другого действия, также в прошлом, а также отнесенный к прошлому результат еще ранее совершенного действия” (Борковский, Кузнецов 1965, 276). Некоторые исследователи (например, van Schooneveld 1959; Goeringer 1995) полагают, что формы с аористой и имперфектной связками были семантически дифференцированы. В настоящей работе этот вопрос специально не рассматривается⁴.

Плюсквамперфект меньше, чем перфект, привлекал внимание историков русского языка. Между тем ситуация тут ничуть не проще. По мнению Б. А. Успенского, в разговорном восточнославянском уже со времен древнейших письменных памятников книжной форме плюсквамперфекта соответствовал так называемый “русский плюсквамперфект”, который состоял из перфекта вспомогательного глагола *быти* и причастия на *-ль*; Н. Н. Дурново (1924, 327) же полагал, что “книжная” форма присутствовала в разговорном языке восточных славян, по крайней мере, до XIII в., и лишь затем ее сменила новая форма. При этом Б. А. Успенский, по-видимому, считает, что с семантической точки зрения обе формы были если не идентичны, то, по крайней мере, очень близки; ср.: “при различии формального выражения плюсквамперфекта в церковнославянском и русском языках сама эта категория была представлена в обоих языках” (Успенский 2002, 251; в данном случае точка зрения Б. А. Успенского совпадает с “традиционной”). Иное мнение высказал А. А. Зализняк (1995б, 157–158), отметивший, что если “в летописях плюсквамперфект почти всегда функционирует как относительное время, а именно, передает действие, предшествующее другому действию в прошлом”, то в берестяных грамотах и других текстах некнижного характера он чаще всего встречается в таких контекстах, где в книжном языке следовало бы употребить аорист. Кроме того, в некнижных текстах плюсквамперфект может употребляться в начале рассказа⁵, а также в значении “прерванного действия”.

Таким образом, судя по данным некнижной письменности, церковнославянскую и разговорную формы плюсквамперфекта, видимо, было бы неверно трактовать как разные формальные репрезентации одной и той же грамматической категории (хотя им и присвоен один и тот же “ярлык”). Для “правильного” (т. е. соответствующего письменной традиции) употребления книжной формы писцам явно не достаточно было простого формального пересчета с их разговорного языка⁶.

Ниже книжный плюсквамперфект для краткости называется просто “плюсквамперфектом”.

2. ИСТОЧНИК

Материалом для настоящей работы послужил древнейший из сохранившихся восточнославянских летописных списков – Синодальный список Новгородской первой летописи. В нем выделяются две части. Первая часть доводит изложение до 1234 г. и традиционно датируется второй половиной XIII в. В работе Гимон, Гиппиус (1999) высказано предположение, что первая часть была переписана в 1234 г. или несколькими годами позже. Ранее считалось, что первая часть переписана двумя писцами, но исследования А. А. Гиппиуса (1992; 1996) показали, что на самом деле здесь представлен один почерк. Вторая часть излагает события за 1234–1330 гг. и была скопирована около 1330 г. Далее в летописи идут приписки разными почерками известий 1331–1333, 1337, 1345 и 1352 гг.

Синодальный список, как полагают исследователи (Клосс 1987), содержит старший извод Новгородской первой летописи. Младший извод представлен более поздними списками, в частности, Академическим (40-е гг. XV в.) и Комиссионным (середина XV в.) (НПЛ 1950). В дальнейшем, если не оговорено иное, речь идет о Синодальном списке.

3. ПРИМЕРЫ

Ниже анализируются перфект и плюсквамперфект в рамках нарратива. Нарратив, вслед за Бенвенистом (Benveniste 1959) и Падучевой (1996)⁷, рассматривается как такой режим повествования, в котором отсутствует фигура говорящего/пишущего. Следовательно, из рассмотрения исключаются такие контексты, в которых говорящий/пишущий каким-то образом себя проявляет, в том числе: прямая речь,

авторские реплики, прямые цитаты, фразы, содержащие ориентированные на говорящего дейктические элементы, и т. п.⁸

3.1. Перфект

В НПЛ (как и во всей восточнославянской книжной письменности данного периода) основным временем нарратива является аорист; фоновые состояния, процессы, многократные и узуальные действия передаются с помощью имперфекта. Перфект, как правило, не используется при изложении последовательных событий. Исключение составляют лишь три формы в заключительных фрагментах летописи (ср. также ниже форму *осѣле* в примере (4.1)). Впрочем, их также нельзя признать “чисто” нарративными: две из них – *не приалъ*, *не послушалъ* (л. 167; 6841) – находятся в контексте отрицания, а третья – *нарадиль* (л. 168об.; 6860) – дублирует точно такую же форму, которая в предыдущей фразе употреблена в составе сослагательной конструкции:

(1.1) в лѣтѣ •ѣ•ѡ•ѣ• довиша челоуѣ новѣгородѣци боаре и черныи люди архиеписѣ новѣгородѣскоу влдицѣ василию, чтоуви еси, гснѣ, ехалъ нарадилъ костры во орѣховѣ, и онъ ехавъ костры нарадиль и приеха в новѣгородъ⁹

В некоторых случаях перфект выступает “вместо” имперфекта¹⁰:

(1.2) въ то ж лѣтѣ приходи свѣискен кнѣзь съ еписѣ въ •ѣ• шнекъ на гостѣ, иже и заморѣ шли въ •ѣ• лодѣхъ, и виша сѣ, не успѣша ничто же, и отлѣчиша ихъ •ѣ• лодѣ, извиша ихъ полѣтора ста (л. 22об.–23; 6650)

(1.3) на то ж лѣтѣ доша даньници новгородѣстни въ малѣ, и чюювъ гюрги, оже въ малѣ шли, и посла кнѣза берладѣскаго съ вои (л. 26–26об.; 6657)

Однако чаще всего перфект в нарративе НПЛ встречается в ретроспективных (см. раздел 1.1) контекстах, которые и интересуют нас в данном случае, поскольку именно здесь возможна конкуренция между перфектом и плюсквамперфектом¹¹.

Все относящиеся сюда формы не имеют связи: как пишет Истрина (1923, 123), “присутствие связки есть в сказуемом на *-лъ* в 3 л. очень редко в Синод. сп.; на все примеры этого сказуемого в зависимых предложениях только три из них имеют связку, и эти три приходятся на авторские замечания 2-ой половины летописи”.

Наиболее интересная и характерная функция перфекта в НПЛ – отсылка к предыдущему тексту, к тем событиям, которые уже были

изложены выше и потому предполагаются известными читателю; вероятно, эту функцию можно назвать анафорической¹². Рассмотрим примеры в порядке их следования в тексте:

(2.1) **въ лѣтѣ • ѿ • хъ • ѿг • ходи мѣроу • посадникъ из новгорода • миритъ кыанъ съ церниговъци и приде не успевъ ницго же, сильно бо въземла сѧ всѧ земля рѣсскаѧ • а ропъакъ к себе зваше новъгородъце, а церниговъскыи князь к себе, и вѣша сѧ, и поможе въ олговицю съ церниговъци, и многы кыаны исече, а дръгыѧ изма рѣкѧми** (л. 16; 6643/1135)

Речь идет о междоусобице из-за Переяславского княжества. Фраза со сказуемым-перфектом очевидным образом отсылает к предыдущей погодной статье, где, рассказывая о той же усобице, летописец отмечает: **и раздѣра сѧ всѧ земля рѣсскаѧ** (л. 15; 6642/1134). Бросается в глаза даже схожесть обеих фраз, но если первая – с аористом – сообщает новую информацию, то вторая отсылает к уже сказанному.

Отчасти вследствие тех событий, о которых говорится в примере (2.1), в Новгороде произошел политический переворот (1136 г.): был изгнан князь Всеволод Мстиславич и приглашен на княжение Святослав Ольгович. С этого времени Новгород стал сам приглашать к себе князей, которые должны были принимать условия, диктуемые вечем. Следующие два фрагмента – (2.2) и (2.3) – рассказывают о том, что происходило в Новгороде в ближайшие несколько лет после этой “революции”.

(2.2) **и сѣдѣша новгородци бес князя • ѿ • мѣць <...> и послаша по гюргѧ по князя сѣждаю, и не иде, нѣ посла сѣнъ свои ростислав, оже то и преж былъ** (л. 22; 6649/1141)

Эта ситуация почти в точности повторяет произошедшее в 1138 г., когда новгородцы изгнали Святослава Ольговича и призывали на княжение Юрия Долгорукого, но тот прислал вместо себя сына Ростислава (в летописи он по ошибке назван Ярославом). Спустя год и четыре месяца Ростислав бежал из Новгорода, тогда новгородцы снова призвали Святослава Ольговича, но через год он тоже сбежал, и новгородцам пришлось “сидеть без князя” и вновь призывать на княжение Юрия Долгорукого. Таким образом, летописец не просто отмечает, что Ростислав уже “был” в Новгороде, но и, по-видимому, обращает внимание на повторяемость этой ситуации. Иными словами, здесь содержится явная отсылка к тому, что было сказано выше о князе Ростиславе Юрьевиче, в частности, к статье за 1139 г., где говорится: **въ лѣтѣ • ѿ • хъ • ѿз • приде гюрги князь исѣждаѧ смольнѣскѧ**

и зваше новгородьце на кыевъ на всѣволодка, и не послушаша его, и тѣгда бѣжа ростиславъ смольнскѣ къ оцню из новагорода септѣра •ѧ• сѣдѣвъ въ новѣгородѣ •н• лѣти •ѧ• мѣцѣ¹³ (л. 20–20об.; 6647). Следовательно, перфект здесь отсылает к информации, хорошо известной читателю.

(2.3) въ лѣтѣ •ѧ• ѧ•н• еспѣ и кѣпѣце и слы новгородьскыя не пущаху из рѣси, и они не хотаху инога кнѣза развѣ сѣопѣлка, и въда имъ (киевский князь Всеволод) сѣопѣлка и-своею рѣкѣ въротивъ сѧ гюрги, оже пущилъ сѣи свои (Ростислава) новѣгородѣ (л. 22–22об.; 6650/1142)

Отсылка к предшествующей (1141 г.) погодной статье; см. пример (2.2).

Следующие два фрагмента рассказывают о конфликте между суздальскими князьями и Новгородом. Суздальский князь Ярослав (сын Всеволода Большое Гнездо), воспользовавшись неурожаем в Новгороде, решил расправиться со своими новгородскими недругами и не допускал подвоз хлеба. В Новгороде начался голод (2.4). Конфликт закончился знаменитой битвой на Липице (1216 г.), где новгородское войско возглавил Мстислав Мстиславич Удалой. Пример (2.5) – это уже “эпилог” рассказа о битве на Липице, закончившейся страшным поражением суздальцев.

(2.4) и приде вѣсть въ новѣгородѣ; баше же новгородьцевъ мало, ано тамо измано вачьшиє мѣж, а мьньшее они розидоша сѧ, а иноє помьрло голодомъ (л. 83; 6723/1215)

Отсылка: выше подробно и эмоционально описывается ужасный голод в Новгороде: а новѣгородѣ зло быс вельми: кадь ржи кѣпѣлахутъ по •н• грѣнѣ, а овса по •г• грѣнѣ, а рѣпѣ възъ по •б• грѣнѣ. а даху люди сосновѣю корѣ и листѣ липовѣ и мохѣ. о, горѣ тѣгда, братѣ, баше: дѣти свое дахутъ одьренѣ и поставиша скѣдельницу и наметаша полнѣ. о, горѣ баше: по тѣргѣ трѣпне, по ѡлицѣмъ трѣпне, по полю трѣпне, не можаху пси изѣдати члѣкъ (л. 81об.; 6723/1215)

(2.5) мьстислав же понде сѣ новгородьци къ переяславлю и не ида къ городѣу поима дары; посла вѣ поѧ дѣцерь свою женѣу ярославлю, и что живыхъ новгородьць, и что было сѣ ярославомъ въ полкѣу, и придоша въ новѣгородѣ сѣдрави вси (л. 86об.; 6724/1216)

О том, что в войске Ярослава и его братьев Юрия и Святослава были и новгородцы, говорится в описании подготовки братьев к решающей битве с новгородским войском: ярославъ же понде сѣ торожкѣу пойма вѣ стареншиє мѣжи сѣ собою новгородьстни и молодыхъ

изборомъ, а новотържъци вси. и приде переяславию и скопи волость свою всю, а гюрги свою володимири тако же, а стослав тако же. и вынде ис переяслала съ пълкы и съ новгородъци и съ новотържъци. оле страшно чюдо и дивно, брате: пондоша снѣе на оцѣа, братъ на братъ, рабъ на гнѣа, гнѣа на рабъ (л. 84об.–85; 6724/1216)

(2.6) и тог лѣт иде кнѣзь миханлъ къ гюргю понма съ собою мѹжи новгородскыа правитѣ товаровѣ, что понмалъ на тѣржкѹ и по своени волости (л. 101; 6733/1225)

Отсылка к предыдущей погодной статье (1224 г.), где рассказывается о том, что после того как князь Всеволод Юрьевич бежал из Новгорода в Торжок, туда же приеѹа къ немѹ оѣь гюрги (княживший во Владимиро-Суздальской земле) съ пълкы и со своими союзниками и стал угрожать новгородцам войной, если те не выдадут нескольких знатных новгородцев, видимо, по мнению Юрия, интриговавших против его сына. Новгородцы ответили твердым отказом (брати своени не выдаваемъ) и начали готовиться к войне. Видя их неуступчивость, Юрий предложил: понмите ѹ мене снѣ мон шюринѣ миханла. новгородци же послаша мѹжъ свон по миханла, а гюрги съ кнѣзи понде съ тѣржкѹ. много имѣ пакостивѣ въза ѹ нихъ •ѣ• новѹю (ср.: л. 100–101; 6732/1224). Став новгородским князем, Михаил, видимо, решил потребовать с Юрия награбленное в Торжке, о чем и сообщается в приведенном фрагменте¹⁴.

(2.7) въ лѣт •ѣ•ѣ•лѣд• приде кнѣзь ярослав в новгородъ и не положи того въ гнѣвѣ, оже не пошьли по немъ (л. 102; 6734/1226)

Отсылка к предшествующей погодной статье, где говорится о нападении большого войска литовцев на окрестности Торжка. Против литовцев выступил Ярослав Всеволодович: кнѣзь же ярославъ и володмиръ съ снмѣ и с новотѣржъци, кнѣжъ дворъ, новгородцевъ мало, торопцане съ кнѣзьмъ свонимъ дѣдмъ пондоша по нихъ, а новгородци послаша. они же дошедъше рѹс въспатиша сѣ (л. 101об.–102; 6733/1225). Таким образом, летописец дважды обращает внимание на фактическое неучастие новгородцев в походе Ярослава: сначала он отмечает, что новгородцев в войске Ярослава было “мало”, а затем объясняет, что новгородцы выслали своих людей на помощь Ярославу, но те, дойдя до Русы, почему-то вернулись обратно (по крайней мере, это одна из возможных интерпретаций данной фразы). Вот это-то поведение новгородцев, по мнению летописца, вполне могло бы разгневать князя, но он великодушно не положи того въ гнѣвѣ.

(2.8) въ лѣтѣ • ѿ • ѿ • ѿ • ѿ • приде кнѣзь михаилъ ис чѣрнигова въ новгородъ <...> и вда свободу смърдомъ на • ѿ • лѣтѣ дани не платити, кто свежалъ на чюжую землю (л. 108; 6737/1229)

Отсылка к предшествующей погодной статье: после того как псковичи отказались выступить в поход вместе с Ярославом, новгородцы заявили: мы е сме свои братья бес пльсковичъ не имаемъ съ на ригу, а তবে съ, кнѣже, кланемъ (л. 105об.; 6736/1228). Таким образом, поход не состоялся. Рассерженный Ярослав ушел из Новгорода в Переяславль, после чего в Новгороде начались различные стихийные бедствия, голод, мятежи и убийства: и въ с матежъ въ городѣ вѣликъ (л. 106об.; 6736). Естественно, многие стремились убежать из города. Так, про липенского старосту Душильца сказано, что он, спасая свою жизнь, ускоци къ Ярослав(у) (там же). Когда пришел призванный новгородцами черниговский князь Михаил, он первым делом пообещал освободить от дани на 5 лет тех, кто убежал из Новгорода в это смутное время.

(2.9) татарове же взаша градъ мсца декаб въ • ка •, а приступили въ • си • того же мсца (л. 122об.; 6746)

Речь идет о взятии Рязани татарами-монголами в 1237 г. О начале осады уже говорилось выше (без даты): тогда же иноплеменици погани оступиша рязань и острогомъ оградиша и (л. 122; 6746)

(2.10) того же лѣтѣ придоша нѣмци подъ пльсковъ и пожгоша посадъ, но самѣхъ много ихъ пльсковичи бѣша. и поидоша новгородци полкомъ к нимъ из новгорода и они повѣгоша проче <...> того же лѣтѣ идоша съ пльсковичи воеватъ ихъ и они противу ихъ поставиша полкъ и повѣдиша а пльсковичи силою крста чстнаго: сами бо на себе почали оканьнии преступници правды (л. 132об.–133; 6761/1253)

Очевидная отсылка: поход псковичей на ливонцев представлен как справедливая месть – те первыми напали на Псков.

(2.11) а кнѣзь олеѡандръ выгна сѣна своего изъ пльскова и посла в низъ, а алеѡандра и дружинѣ его казни: овому носа урѣзаша, а иному очи вынимаша, кто васильа на зло повелъ, всакъ бо злыи злѣ да погыбнетъ (л. 136; 6765/1257)

Этому фрагменту в той же погодной статье непосредственно предшествует следующий текст: в лѣтѣ • ѿ • ѿ • ѿ • приде вѣсть изъ рѣси зла, ако хотѣть татарове тамгы и десатины на новѣгородѣ. и сматоша съ люди чересъ все лѣтѣ и къ гсжинѣ дѣи ѡманъа посадникъ, а на зимѣ ѡбѣша михалка посадник новгородци. аще бы кто добро другѣ чинилъ, то добро бы было, а копаа подъ другомъ аму сам съ в ню вѣвалитъ. тои же

зими приѣхаша послы татарскыи съ олександромъ, а василии побѣже въ пльсковъ. и почаша просити послы десятины тамгы, и не аша съ новгородьци по то: даша дары цркви и отпустиша ѿ с миромъ (л. 134; 6765). Как известно, князь Александр Невский предпочитал не портить отношения с Золотой Ордой, своевременно платя требуемую дань. Однако такая политика не всегда нравилась жителям Новгорода, особенно “простой чади”, которая прежде всего ощущала на себе тяжесть поборов. Так произошло и на этот раз, когда в ответ на требование уплатить “тамгы и десятины” в Новгороде вспыхивают волнения, убивают посадника Михалка (поставленного Александром против воли новгородцев). Сын Александра Василий принял сторону недовольных, поэтому, когда Александр вернулся из Орды в Новгород с татарскими послами, Василий бежал в Псков, однако Александр выгнал его и оттуда и отправил “въ Низъ”, т. е. во Владимиро-Суздальскую Русь, при этом он жестоко расправился с воеводой Василия Александром и его дружинниками, которые, по словам летописца, и “повели на зло” Василия.

(2.12) *тог же лѣт ропрѣше сѧ ѱбонци миндовгови о товарѣ его ѱбиша добра кнѧзѧ полотьскаго товтивила, а бояры полотьскыѧ исковаша, и просиша ѱполочанѣ сѧ товтивилова ѱбити же, и онѣ вѣѣжа в новгородѣ с мѳжи своими. тогда литва посадиша свои кнѧзѣ в полотьскѣ, аполочанѣ пѳстиша, которыхѣ изымали с кнѧзем^б ихѣ, а мирѣ взяша* (л. 140–140об.; 6771/1263)

Под полочанами, которых “изымали”, очевидно, подразумеваются вышеупомянутые бояре.

Таким образом, перфект в этих примерах имеет следующие особенности: во-первых, он напоминает читателю об уже известных ему событиях; во-вторых, поскольку он отсылает к некоторой ситуации, изложенной выше в тексте, причем ситуации в большинстве случаев законченной, обозначаемое им событие само заключено в рамки этой завершенной ситуации в прошлом, отсюда: а) событие, обозначенное перфектом, в большинстве случаев отделено некоторой временной дистанцией от текущего времени повествования (характерно, что ряд примеров – (2.1), (2.2), (2.3), (2.6), (2.7), (2.8) – отсылают к ситуации, о которой шла речь в предыдущей погодной статье); б) результат этого события либо не сохраняется в текущий момент повествования, либо уже не актуален¹⁵. На “не-результативное” и “не-актуальное” значение перфекта в Лаврентьевской летописи обратила внимание Э. Кленин (Klenin 1993).

В НПЛ есть также несколько форм перфекта, которые нельзя назвать “анафорическими”, поскольку они не имеют “антецедента” в предыдущем тексте, однако и по смыслу, и по типу синтаксической конструкции, к которой они принадлежат, эти формы очень напоминают те, что приведены выше:

(3.1) *толь ж лѣтъ приведе володимиръ съ мьстиславомь вса боары новгородьскыа кыеву и заводи ѿ къ чьстному хсѹ и пѹсти ѿ домовь, а иныа ѹ себе остави. и разгнѣва са на ты, оже то¹⁶ грабили даньслава и ноздрьчу, и на сочьскаго на ставра и затоци ѿ вса* (л. 9об.–10; 6626/1118) Хотя в предыдущем тексте ничего не говорилось об этом “грабеже”, летописец упоминает о нем так, как будто читателю должно быть известно, о чем идет речь (в частности, он должен знать или хотя бы догадываться о том, кто такие Даньслав и Ноздрьца). Вообще же говоря, остается ощущение, что в предыдущем тексте пропущен эпизод, к которому относится это высказывание¹⁷.

(3.2) *много же кнѣзь нудивъ и не аша са по пѹть. тѣгда же кнѣзь ярославъ пѣлкъ своа домовь посла. пльсковичи же тѣгда вахѹ подъвегли нѣмьци и чюд, лотыголѹ и либь, и отпѹсша ѿ оплѣт, а тѣхъ, кто ималъ придатѣкъ ѹ ярослав, выгнаша исъ пльскова: пондите по кнѣзи своемь, намъ есте не брата* (л. 105об.; 6736/1226)

В Срезн. *придатокъ* в этом примере интерпретируется как ‘плата, награда’ (с вопросительным знаком). В таком случае можно предположить, что Ярослав Всеволодович, пытаясь убедить псковичей выступить вместе с ним против литовцев, подкупал некоторых влиятельных жителей города, с тем чтобы они перешли на его сторону и склонили к этому других псковичей; их-то и выгнали из Пскова. Хотя в самом летописном тексте ничего не говорится о попытках подкупа псковичей, об этом сообщается так, как будто этот факт известен читателю или во всяком случае представляется ему вполне естественным.

(3.3) *тог же лѣтъ заложиша цркъвь каменѹ сѣю бориса и глѣва, котораа порюшила са* (л. 153об.; 6810/1302)

За два года до этого события в церкви святых Бориса и Глеба еще совершалось богослужение, как об этом свидетельствует НПЛ: *в лѣтъ • ѣ • ѡ • ѡ • ѡ • приѣха маѡи¹⁸ митрополитъ в новъгородъ и ростовьскыи еписпъ семенъ и тѣбрьскыи еписпъ андрѣи и поставиша архиепска новѹгородѹ феоктисга; знаменаша его въ цркви сѣю бориса и глѣва мсца июл • кѣ •* (л. 152–152об.; 6808/1300). Следовательно, церковь “порушилась” где-то между 1300 и 1302 гг. (Янин 1977, 126). Таким образом, летописец

напоминает читателю об относительно недавнем событии, которое наверняка должно быть ему знакомо.

(3.4) в лѣтѣ •ѣ•ѡ•ѣв• избвиша корѣла городчанѣ, кто быль рѹси в корѣльскомѣ городкѣ, и въведоша к собѣ нѣмецѣ (л. 158; 6822/1314)

Это первое упоминание в НПЛ Корельского города (располагавшегося на западном берегу Ладожского озера). Тем не менее, и здесь сообщение строится таким образом, как будто читателю должно быть известно о существовании “городка” и том, что в нем жили русские.

(3.5) тог же лѣтѣ заратнишас ѹстьюжанѣ с новгородци: изъимаша новгородцевѣ, кто ходилѣ на юргѹ, и огравиша ихѣ (л. 163; 6831/1323)

Юргой (или Югрѡй) в летописях называется территория, расположенная к северо-востоку от Новгорода, а также ее население. Речь здесь, по-видимому, идет о сборе дани. Как пишет А. А. Зализняк, в НПЛ “имеется немало свидетельств того, что сбор дани с северных земель нередко сопровождался конфликтами различного рода, в том числе вооруженными, причем постоянными соперниками новгородцев здесь являлись суздальцы” (Зализняк 1995а, 285). Об этом же свидетельствует и знаменитая берестяная грамота № 724 (ibid.); ср. также: Насонов (1951, 113–114). Поскольку Великий Устюг относился к владениям ростово-суздальских князей, его жители также не единожды (ср. ниже пример (7.1)) упоминаются в НПЛ как соперники новгородцев в сборе югорской дани. Таким образом, в данном примере речь идет о многократно повторявшейся и хорошо знакомой современникам летописца ситуации.

(3.6) тои ж зимы престави с митрополитѣ петръ всеа рѹси на москвѣ и положиша и въ цркви стѣга бѣа, юже самѣ началѣ здати каменѹ (л. 164об.; 6834/1326)

Князья и митрополиты обычно при жизни заботились о постройке церкви, в которой их впоследствии должны были похоронить; следовательно, здесь описывается стандартная ситуация, для описания которой используется стандартная же летописная формула.

Таким образом, эти формы также предполагают наличие у читателя определенных сведений, только источником их оказывается не предыдущий текст: в данном случае это может быть либо фонд общих знаний читателя и пишущего (их “модель мира”), либо логическая инференция.

Способность перфекта отсылать к известной информации неоднократно отмечалась исследователями. Например, Э. Кленин пишет: “The perfect, whether the resultative perfect or not, often has a summarizing

quality, a tendency to present events not as they occurred in time but as they are reviewed in memory” (Klenin 1993, 334). Похожие наблюдения можно найти у Е. С. Истриной (1923, 114): “Всматриваясь во внутреннее значение сказуемого таких предложений (с “причастием на -ль” – П. П.), видим, что оно не обозначает развития деятельности предмета во времени, не обозначает самого процесса действия, а лишь приписывает предмету (лицу) известный поступок”. К. ван Схоневелд, в основном соглашаясь с Истриной, утверждает, что обозначаемая перфектом информация всегда относится к “объективным знаниям”: “The perfect denotes a process anterior to the moment of the utterance which, in contradistinction to the main body of the story, already belongs to objective knowledge” (van Schooneveld 1959, 165); а также: “As it is possible to paraphrase the perfect with “at the time”, so one may usually paraphrase the perfect by “it is inescapable fact that”, or by “as is well known ...” (ibid., 95; разрядка моя).

Используя термин современной семантики, можно сказать, что сведения, описываемые с помощью перфекта, составляют прагматическую пресуппозицию (презумпцию), т. е. суждение, которое говорящий/пишущий считает само собой разумеющимся, в частности, известным слушателю/читателю (Падучева 1985/2001, 57–60).

В этой связи отнюдь не случайно, что большинство приведенных примеров из НПЛ – сложные предложения с относительными (определятельными) придаточными. Как пишет Е. В. Падучева, различие между пресуппозицией и ассерцией (т. е. утверждаемым суждением) “составляет содержание формальных противопоставлений в определятельных предложениях”. Так, разница между предложениями (а) и (б) заключается в том, что та информация, которая в (а) содержится в виде пресуппозиции, в (б) утверждается: (а) *Книгу, которую Вы мне дали на прошлой неделе, я прочел.* (б) *На прошлой неделе Вы дали мне одну книгу; я ее прочел* (Падучева 1974, 139). В относительных предложениях типа (а) наличие пресуппозиции отражается в самой синтаксической структуре и обуславливается ею¹⁹. Обычно такие относительные придаточные называют рестриктивными, поскольку определяемый объект в них выделяется из класса ему подобных объектов. Рестриктивные относительные придаточные, по видимому, содержатся в следующих примерах: (2.5), (2.6), (2.8), (2.11), (2.12), (3.1), (3.2), (3.4), (3.5).

От рестриктивных относительных придаточных следует отличать нерестриктивные (апозитивные) типа: (в) *Вы мне дали на прошлой неделе одну книгу, которую я прочел.* Это предложение, как пишет Падучева (1974, 133–135), синонимично двум независимым предложениям: (г) *На прошлой неделе Вы дали мне книгу. Я ее прочел.* Апозитив-

тивные придаточные также могут передавать информацию, которая составляет прагматическую пресуппозицию. Из приведенных летописных примеров сюда, видимо, можно отнести (2.2), (2.3), (3.3), (3.6): эти примеры содержат отсылку к фонду общих знаний пишущего и читателя, чем и обусловлено употребление в них перфекта. В тех же немногочисленных случаях, когда в аппозитивном придаточном нет такой отсылки, по-видимому, употребляется плюсквамперфект; ср. ниже примеры (5.4) и (6.1).

Отдельного рассмотрения требует следующий фрагмент:

(4.1) мѣстиславѣ же понде серегеремѣ и вѣннде въ свою волость и реч новгородьцемѣ: идете въ зажитиѣ, толико головѣ не емлете. идоша, исполниша сѣ кѣрма и сами и кони, и быша върху вѣлзѣ. осѣле сѣтослав ржевку, городьць мѣстиславѣ, сѣ пѣлки въ •і• тысящѣ. мѣстиславѣ же сѣ володимиромѣ сѣ пльсковьскимѣ понде вѣрзѣхѣ въ •ѣ• сѣтѣ, толико во всехѣ вои башеть, и пригони, оли побегли прочѣ (л. 83–84; 6724/1216)
Речь идет о маневрах, предшествовавших решающей битве между новгородскими и суздальскими полками на берегах речки Липицы под Юрьевом-Польским (см. комментарий к примерам (2.4) и (2.5)). Пока Мстислав Мстиславич Удалой, возглавивший войско новгородцев в борьбе с их врагом – Ярославом Всеволодовичем, отпустил своих людей “на покорм”, брат Ярослава Святослав осадил Ржевку. Мстислав и его брат Владимир Смоленский, княживший во Пскове, с небольшим войском бросились на подмогу осажденным, но когда они достигли Ржевки, Святослав и его полки уже “побегли прочь”.

С лингвистической точки зрения этот фрагмент довольно необычен. Прежде всего, нестандартно употребление формы *осѣле*²⁰. Во-первых, чрезвычайно странный синтаксис – *осѣле* возникает совершенно неожиданно, словно обрывая предыдущий текст, без всяких соединительных союзов или других связующих средств, типичных для летописного повествования. Во-вторых, необычно употребление перфекта (а не аориста) в нарративе; впрочем, строго говоря, *осѣле* не входит в нарративную последовательность – именно в силу того, что эта форма не продолжает нарративную цепочку, а, напротив, обрывает ее и вводит новый эпизод (ср. Klein 1993 об употреблении перфекта в Лаврентьевской летописи вне нарративной последовательности). И наконец, данная форма имеет окончание И. ед. муж. -е, которое, по словам А. А. Зализняка (1988, 169), является “самой яркой морфологической особенностью древненовгородского диалекта” (см. также: Зализняк 1995б, 82–85); обычно это окончание не допускается в книжных текстах.

Употребление формы *побегли* также нестандартно для НПЛ: в отличие от перфектов в предыдущих примерах, она передает новую информацию и при этом имеет результативное значение. Примечательно, однако, что в младшем изводе НПЛ здесь выступает плюсквамперфект: *и пригони до них, ани*²¹ *побѣгли бяхут прочь* (Комиссионный сп., л. 136об.). Более того, основанная на рассказе НПЛ “Повесть о битве на Липице” (ПБЛ) представлена в ряде более поздних летописей, в том числе Новгородской Карамзинской (ПСРЛ, т. XLII), Новгородской четвертой (ПСРЛ, т. IV) и Софийской первой (ПСРЛ, т. VI), в основе которых лежит общерусский летописный свод начала XV в. (Клосс 2000). Во всех этих летописях представлен тот же вариант интересующей нас фразы, что и в младшем изводе НПЛ: *и пригони, а они бяху побѣгли прочь* (ПБЛ, 74). Таким образом, можно предположить, что в младшем изводе сохранился первоначальный вариант этой фразы.

Но дело, конечно, не в том, что переписчик Синодального списка “исказил” первоначальный текст, привнеся в него, быть может, более разговорную конструкцию²². В обоих случаях выбор глагольной формы, скорее всего, обусловлен синтаксической структурой фразы. Если бы перфект был употреблен в том варианте фразы, который представлен в младшем изводе НПЛ и различных списках “Повести”, ее смысл мог бы быть понят таким образом, что войско Святослава убежало не до того, как Мстислав “пригнал” к городу, а после – между тем, летописец, напротив, подчеркивает, что к моменту прибытия Мстислава осада города уже была снята и опасность миновала. В Синодальном списке такой двусмысленности не возникает; ср. перевод: ‘примчался (Мстислав) тогда, когда (Святослав и его рать) уже убежали прочь’. Таким образом, и здесь прагматический фактор влияет на выбор формы, хотя и несколько иначе, чем в большинстве примеров с ретроспективным перфектом²³.

3.2. Плюсквамперфект

Рассмотрим теперь употребление плюсквамперфекта. Ниже дан список всех 48 форм книжного плюсквамперфекта в НПЛ:

баше погорѣлъ (л. 15; 6642); **бяхуть сѧ ѹстерегли** (л. 19; 6645); **бѣху бѣжали** (л. 22; 6649); **ставилъ баше** (л. 26; 6657); **шлъ баше** (л. 28об.; 6664); **пришли бяху** (л. 32об.; 6672); **ѹмьрлъ баше** (л. 40; 6684); **бяху вышли** (л. 43об.; 6688); **сѣлипали сѧ бяху** (л. 43об.; 6688); **пришли бяху** (л. 49об.; 6698); **столли бяху** (л. 53; 6701); **бѣ остало сѧ** (л. 53об.; 6701);

пүстилъ баше (л. 57об.; 6704); бѣ нѣ пошьлъ (л. 62об.; 6708); баше высадилъ (л. 67об.; 6712); бѣ казалъ (л. 68; 6712); башутъ пүстили (л. 69; 6712); баше далъ (л. 69; 6712); башутъ остали (л. 71; 6712); бе жилъ (л. 71; 6712); баше пришьлъ (л. 77об.; 6719); башу изгнали (л. 78; 6721); человали башу (л. 83об.; 6724); баше затворилъ сѧ (л. 87об.; 6724); башу пришли; башу не пошли (л. 87об.; 6725); баше въбеглъ (л. 88; 6725); не бе приспело (л. 89; 6726); сталъ бѣ (л. 98об.; 6732); воевали башу (л. 103об.; 6736); бе пришло (л. 103об.; 6736); промъкла сѧ баше; башу подъвегли (л. 105об.; 6736); башу отобѣдали (л. 109об.; 6738); отшьлъ бѣ (л. 117; 6741); не достало баше (л. 118об.; 6742); сталъ бѣ (л. 124об.; 6746); башу пристроили (л. 139; 6770); бѣ съвкупила сѧ (л. 144об.; 6776); баше вразила сѧ (л. 146; 6776); (не добръ) сѧ башу үмирили (л. 147; 6777); бѣ послаалъ (л. 148об.; 6778); баше отпүстилъ (л. 149; 6778); почали башу (л. 158об.; 6822); обадилъ баше (л. 160об.; 6824); вышелъ баше (л. 163об.; 6832); үбилъ баше (л. 164; 6834); пришелъ баше (л. 164об.; 6835).

Поскольку здесь невозможно привести все контексты перечисленных форм, ниже даются выборочные примеры.

В отличие от перфекта, плюсквамперфект в НПЛ не напоминает о том, что уже известно читателю, а напротив, почти всегда сообщает новую информацию, часто неожиданную и очень важную для дальнейшего развития событий; ср.:

(5.1) по томъ ж стославъ олговиць съвъкүпи всю землю новгородьскүю и братъ своего приведе глѣвъка, күржаны съ половьци, идоша на пльсковъ прогонитъ всѣволода. и не покориша сѧ пльсковици имъ ни выгнаша кнзѧ от себе, нъ башутъ сѧ үстерегли, засекали засекали²⁴ осеки всѣ. и съдүмавъше кнзъ и люде на пүти въспатиша сѧ на дүбровьнѣ (л. 18об.–19; 6645)

(5.2) и оттолѣ постүпиша к раковорү, и ако быша на рѣцѣ кѣголѣ, и тү үсрѣтоша столицъ полкъ нѣмецьскыи, и бѣ видѣти ако и лѣсъ, бѣ бо съвкупила сѧ всѧ земля нѣмецьскаѧ (л. 144об.; 6776)

(5.3) въ лѣтѣ •ѣ•ѵ•ѧ• въ петрово говение изъехаша литва безбожнаѧ пльсковъ и пожгоша: пльсковици бо башу въ то вре.и изгнали кнзѧ володимира от себе, а пльсковици башу на озѣрѣ. и много створиша зла и отидоша (л. 78; 6721)

(5.4) и тако въспатиша сѧ от города и үзрѣша иныи полчищъ свинью великүю, котораѧ баше вразила сѧ въ возники новгородьскыѣ (л. 146–146об.; 6776)

Этот пример требует отдельного комментария. Плюсquamперфект здесь употреблен в аппозитивном придаточном, содержащем новое утверждение – новую, неожиданную информацию: фактически оно отвечает на вопрос о том, что увидели новгородцы: увидели, что “свинья” врезалась в новгородские обозы. Примечательно также употребление книжного относительного местоимения *который*: это еще одно свидетельство в пользу того, что стилистические соображения не определяли выбор перфекта или плюсquamперфекта.

Для плюсquamперфекта (в отличие от перфекта) характерно результативное значение, когда “в фокусе” – положение вещей в данный (а не в какой-то предыдущий) момент; ср.:

(5.5) въ то ж лѣтъ изгониша нѣмци кюрил синкиница въ тѣсвѣ и вѣдоша и въ мѣдвѣжю голову, и сѣде окованъ от гжика дѣи до великаго говѣниа, кнзю арославу не сущю новѣгородѣ, нъ въ переахлаа отшьаъ вѣ (л. 117–117об.; 6741)

(5.6) чюдъ же начаша слати съ поклономъ льстѣю, а по нѣмци послаша. и начаша новгородци гадати съ пльсковичи о чюдьской речи отшѣдъше далече товаръ, а сторожи ночьнии баху пришли, а днѣвнии баху не пошли, а неахаша²⁵ на товары без вѣсти, новѣгородци же повегоша съ вѣча въ товары и понавше оружие и выбиша е ис товаръ (л. 87–87об.; 6725)

Диагностическим для глагольных форм с результативным значением считается употребление в контексте некоторых обстоятельств времени: они обычно свободно сочетаются с обстоятельствами, определяющими время референции²⁶ события (*reference time adverbials*), и не сочетаются с обстоятельствами, определяющими время самого события (*event time adverbials*). Действительно, в НПЛ плюсquamперфект несколько раз употреблен с обстоятельствами первого типа и ни разу – с обстоятельствами второго типа; ср.:

(5.7) и приде ростову, и въ то врѣмѣ умрлѣ баше михалко (л. 40; 6684)

(5.8) тѣгда ж баше пришлѣ, прѣж изгнаниа митрофана архепспа, добрына адрѣиковиць изъ цсраград (л. 77об.; 6719)

(5.9) въ лѣтъ • ѿ • ѿ • ка • въ петрово говение изъехаша литва безбожнаа пльсковѣ и пожгоша, пльковици во баху въ то вреи изгнааи кнза володимира от себе, а пльковици баху на озѣрѣ. и много створиша зла и отидоша (л. 78; 6721)

(5.10) много же кнѣзь нѣдивъ и не аша сѧ по пѣтъ. тѣгда же кнѣзь арославъ пѣаки своѧ домовъ посла. пѣсковници же тѣгда бѧхѹ подѣвгли нѣмѣци и чюд, лотыголу и ливъ, и отпѣсша ѧ опѧт (л. 105об.; 6736)

(5.11) въ лѣтѣ • ѣ • ѣ • лн • тѣсе сѧ земля въ паткѣ по велицѣ днѣ • ѣ • нед въ обѣдѣ, а инни ѹже бѧхѹ отобѣдали (л. 109об.; 6738)

Сюда же относится и характерное употребление плюсквамперфекта с сочетанием *еще не*²⁷; в (5.12) оно представлено эксплицитно, а в (5.13) наречие *еще* подразумевается:

(5.12) новгородци же кланѧхѹ сѧ емѹ: кнѣже, тѣмъ гнѣва отдан, а от нас не ѣзди. еще бо не доврѣ сѧ бѧхѹ ѹмирили с нѣмѣци (л. 147; 6777)

(5.13) сънѣмѣшемъ сѧ всѣмъ на исадѣхѹ на порѣдѣ изаслав, кюръ миѧилъ, ростислав, сѣослав, глѣбъ, романъ, ингворъ же не приспѣ приехати к нимъ, не ве бо приспело врѣмѧ его (л. 89; 6726)

Т. е. ему еще не пришло время умирать (фрагмент рассказа об избииении Глебом Рязанским рязанских князей).

Перфект в НПЛ не встретился с *reference time adverbials*, но ср. пример (2.9), где он употреблен в контексте *event time adverbial*.

Плюсквамперфект также может употребляться с обстоятельствами временной протяженности, указывающими интервал, ограниченный моментом референции:

(5.14) и ако изнемогоша голодомъ, стоали бо бѧхѹ • ѣ • нед слѣшающе льстѣвѣ ихъ, и на праздникъ сѣго николаы выѣзъше из города исѣкоша всѧ (л. 53; 6701)

Перфект в НПЛ не встретился с такими обстоятельствами.

В отличие от ретроспективного перфекта, который в большинстве случаев выступает в относительных придаточных, у плюсквамперфекта этот показатель очень невелик: 6 из 48, причем два примера относятся к вставной Повести о взятии Царьграда (отличающейся лингвистически от основного текста НПЛ; см. раздел 5), два других – вѣ нѣ пошьль (л. 62об.; 6708), ваше вѣвель (л. 88; 6725) – имеют нетипичную для книжного языка синтаксическую структуру “архаического типа” (Зализняк, Падучева 1975); оставшиеся две формы рассматриваются в примерах (5.4) и (6.1).

3.3. Перфект и плюсквамперфект в непосредственном соседстве

Особенно показательны те фрагменты НПЛ, где непосредственно соседствуют обе рассматриваемые формы:

(6.1) и сѣдѣша новгородци бес кнѣзѣ ѿѣмъ мѣць и призваша нсѣждаа сѣдилу, нежату, страшка, оже бѣху бѣжали из новагорода стѣслав дѣла и акѣна, и даша посадницьство сѣдилу новѣгородѣ и послаша по гюрга по кнѣзѣ сѣждаю, и не иде, нѣ посла снѣ свои ростислав, оже то и преж былъ (л. 22; 6649)

Любопытно, что синтаксическая конструкция (тип придаточного) в обоих случаях одна и та же (с точностью до частицы-“релятивизатора” *то* при относительном местоимении (Зализняк 1981)); в этом смысле данный пример нетипичен. Тем не менее, семантически эти предложения различны; соответственно, различны в них и функции перфекта и плюсквамперфекта. Прежде всего, перфект отсылает к событиям двухлетней давности, довольно подробно изложенным в летописи (ср. комментарий к примеру (2.2)), а следовательно, известным читателю; напротив, о Судиле, Нежате и Страшке ничего не говорилось в предыдущем тексте, равно как и об их побеге из Новгорода. Вероятно, если бы летописец рассчитывал, что читатель располагает внетекстовой информацией об этих персонажах и, что особенно важно, об их побеге, он скорее употребил бы перфект. Кроме того, форма *былъ* обозначает ситуацию, завершившуюся задолго до тех событий, о которых идет речь в текущий момент повествования²⁸; напротив, ситуация, обозначенная плюсквамперфектом, вполне сохраняет актуальность: в момент “призвания” Судила, Нежата и Страшко, естественно, еще находились вне Новгорода.

(6.2) много же кнѣзь нѣдивѣ и не аша са по пѣть. тѣгда же кнѣзь ѿрославѣ пѣаки своѣ домовѣ посла. пѣсковници же тѣгда баху подѣвегли нѣмѣци и чюд, лотыголѣ и ливѣ и отпѣсша ѿ опѣт, а тѣхѣ, кто ималѣ придатѣкъ ѣ ѿрослав, выгнаша нсѣ пѣскова: пондите по кнѣзи своємѣ, намѣ есте не братѣ (л. 105об.; 6736)

О перфекте здесь см. пример (3.2), о плюсквамперфекте – (5.10).

3.4. Некоторые выводы

Итак, анализ материала показывает, что книжный плюсквамперфект и ретроспективный перфект в НПЛ семантически и функционально

довольно отчетливо противопоставлены, причем это противопоставление реализуется на нескольких уровнях:

- 1) дискурсивно-прагматические функции: перфект передает известную информацию, плюсквамперфект – новую; соответственно, первый обозначает события “заднего плана” повествования, выполняя в том числе “анафорическую” функцию, а второй используется для событий “переднего плана”;
- 2) аспектуально-темпоральные значения: плюсквамперфект почти всегда имеет результативное значение, перфект же не маркирован по признаку “результативность”, хотя в большинстве примеров он имеет нерезультативное значение; кроме того, событие, обозначенное перфектом, как правило, характеризуется большей временной дистанцией относительно “точки отсчета” в повествовании, чем событие, обозначенное плюсквамперфектом;
- 3) синтаксические конструкции: перфект употребляется преимущественно в относительных придаточных, плюсквамперфект – в других типах придаточных (прежде всего причинных), а также в независимых предложениях;
- 4) наконец, вероятно, здесь можно говорить о модальном противопоставлении, поскольку событие, обозначаемое плюсквамперфектом, всегда актуально для данного момента повествования, неожиданно, напротив, обозначаемое перфектом событие неактуально, предсказуемо.

4. К ВОПРОСУ О “РУССКОМ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТЕ”

Хотя подробное рассмотрение вопроса об отношении “русского плюсквамперфекта” к его книжному тезке и ретроспективному перфекту выходит за рамки настоящей работы и требует специального исследования (прежде всего в силу явно недостаточной изученности “русского плюсквамперфекта”), наш анализ был бы неполным без хотя бы частичного обсуждения этой проблемы.

Г. А. Хабургаев (1978, 51) пишет, что “русский плюсквамперфект” указывает на “действие или состояние, впоследствии (не обязательно в прошлом!) «отмененное» или нереализованное, прерванное и т. п.” (разрядка Г. А. Хабургаева) и что именно к нему восходит современная конструкция с частицей *было* примерно с тем же значением²⁹. Более точно семантика этих форм описывается в терминах, предложенных (применительно к широкому типологическому материалу)

В. А. Плунгяном (2001): “недостигнутый результат” и “аннулированный результат” (“антирезультативные значения”).

В НПЛ есть лишь один пример “русского плюсквамперфекта” в нарративе – в одной из последних погодных статей:

(7.1) **тѡи ж зими избиша новгородцевъ, котории были пошли на юргү, үстьюжьскыи кнзи** (л. 166; 6837)

Ср. эту фразу с уже приводившимся выше примером употребления перфекта (3.5):

(3.5) **тог же лѣт заратишас үстьюжане с новгородци: изымаша новгородцевъ, кто ходилъ на юргү, и ограбиша ихъ** (л. 163; 6831)

Как можно видеть, в этих примерах “русский плюсквамперфект” относится к перфекту примерно так же, как книжный – в примерах, которые обсуждались выше: в (3.5) перфект употреблен в рестриктивном относительном придаточном и указывает на некоторую завершенную ситуацию в прошлом (очевидно, повторявшуюся, знакомую читателю – ср. комментарий к этому примеру выше); напротив, в (7.1) “русский плюсквамперфект” употреблен в аппозитивном придаточном (вводящем новую информацию)³⁰, причем события, о которых говорится в главном предложении, разворачиваются на фоне того, о чем сказано в придаточном.

Г. А. Хабургаев отметил, что в свете семантики “русского плюсквамперфекта” можно лучше понять значение книжных форм. Действительно, следующие примеры очень напоминают (7.1):

(7.2) **тѡи ж весне прѣстави сѧ архепспъ нифонтъ април въ •ка•: шьль баше кыевү противү митрополита** (л. 28об.; 6664)

(7.3) **а кто баше въбеглъ въ каманыѧ божнице съ товары, а тү изгорѣша и сами съ товары** (л. 88; 6725)

Последний пример особенно характерен, поскольку это специфически разговорная относительная конструкция “архаического типа” (Зализняк, Падучева 1975, 73–76).

Как указывает Г. А. Хабургаев, в некоторых случаях значение “отмененного” действия проясняется в более широком контексте; при этом плюсквамперфект может не иметь таксисного значения, но быть включенным в нарративную последовательность; ср.:

(7.4) **а рославъ нача полкы копити на новъгородъ, и бѣ послалъ къ цсрю татарскү ратнѡра помочи просѧ на новъгородъ. и се үчювъ кнзь василии рославич <...> поѣха в татары помѧ съ собою петрила рычага и михѧила пинецинича, и възврати татарскүю рать тако рекъ цсрви:**

новгородци прави, а Ярославъ виноватъ, уже бо баше цсрь отпущилъ рать на новъгородъ по ративорову лживому слову (л. 148об.–149; 6778)

Если вторая форма плюсквамперфекта указывает на предшествование ранее упомянутому действию (*възврати*), то первая вовсе не обязательно подразумевает, что Ярослав сначала послал к “царю” за подмогой, а затем уже начал *полкы копити*: здесь скорее существенно то, что эта затея в конечном счете провалилась.

Любопытно то, каким образом противопоставление перфект/книжный плюсквамперфект используется с глаголом *по(на)чати*. Ср. следующий пример (пожалуй, из всех примеров с книжным плюсквамперфектом наиболее напоминающий “русский плюсквамперфект” и одновременно современную конструкцию с *было*):

(7.5) тон ж зимы хлѣбъ баше дорогъ в новѣгород; а въ пльсковѣ почали баху гравити недобрни люде села и дворы в городѣ и клѣти на городѣ, и избиша ихъ пльскович съ •н• члѣкъ, и по томъ выс тихо (л. 158об.; 6822)

и уже приводившиеся примеры:

(2.10) сами бо на себе почали оканьнии престѹпници правды (о ливонцах, напавших на Псков)

(3.6) тон ж зимы престапи с митрополитъ петръ всеа руси на москвѣ, и положиша и въ цркви сѣгъ бѣа, юже самъ началъ здати каменѹ

По-видимому, если бы летописец употребил в последних двух примерах плюсквамперфект, то соответствующие действия могли бы восприниматься как незавершенные или как неудачная попытка, что противоречит смыслу обеих фраз: так, нападение немцев на Псков рассматривается как вполне “полноценное” событие, дающее псковичам право на ответные военные действия, а митрополит всея Руси Петр, естественно, не мог быть похоронен в недостроенной церкви.

Вероятно, разговорная форма, которую летописец мог также встретить (и использовать) в деловой и бытовой письменности, каким-то образом влияла на интерпретацию и употребление им книжного плюсквамперфекта. Неясно, однако, насколько сильным было это влияние. Понятно лишь, что две формы отнюдь не тождественны: так, “русский плюсквамперфект” мог выполнять функцию “сдвига начальной точки” (ср. уже упоминавшееся *оставили мя были люде* в новгородской берестяной грамоте № 724), с другой стороны, книжная форма свободно образовывалась от глаголов типа *умьрѣти*,

убити и т. п., причем в контекстах, не оставляющих сомнения в результативности соответствующих событий.

Для нас в данном случае существенно, что форма, указывающая на действие с недостигнутым или аннулированным результатом, по определению передает новую информацию – в противном случае результат (“антирезультат”) действия был бы известен.

5. АОРИСТ И ИМПЕРФЕКТ В РЕТРОСПЕКТИВНОМ КОНТЕКСТЕ

Перфект – не единственная форма, способная конкурировать с плюсквамперфектом: в этом качестве может выступать также основная форма летописного нарратива – аорист и – значительно реже – имперфект, причем именно в этом случае, как представляется, некоторую роль играет “стилистический” фактор. Так, в целом ряде случаев аорист в “плюсквамперфектном” значении встречается в контекстах, носящих ярко выраженный церковный характер, например:

(8.1) томы же лѣтъ прѣстави сѧ рабѣ вѣнии германъ, иерѣи сѣго акова, зовемыи воата, служивъшу емю чю сѣго акова полъ патѧ дѣсѧтъ лѣтъ въ кротости и сѣмерении и бѣволънствѣ: под съ собою плъскову архепспъ гаврила, и дошдѣ плъскова разволе сѧ, и постриже и влѣка и въ скимю, и прѣстави сѧ мсѧ октѧвъ въ •҃҃и• на сѣчу мѣнку карпа и папѣла, и положиша и чю сѣго сѣса въ монастыри (л. 48об.; 6696)

(8.2) тог же мсѧ въ •҃҃и• на памѧтъ сѣго мѧка александра ави сѧ знамень въ плъсковѣ чю сѣго иовна в монастыри от иконы сѣго сѣса надъ гробомъ княгининомъ арославлеѣ володимирича, юже чю свои пасынокъ: в медвѣжи головѣ иде мюро от иконы по •҃҃и• дѣни, нанде •҃҃• вощаници ако въ стѣкланицю, и привезоша в новъгородъ двѣ на блгснне, а въ плъсковѣ оставиша двѣ собѣ (л. 130–130об.; 6751)

(8.3) въ то же лѣтъ прѣстави сѧ игуменъ стол георгиѧ саватиа архимандритъ новгородскыи априѧ въ •҃҃и• дѣнь въ великыи четвьк. прѣж своего прѣставления саватиа сѣзва влѣку антониа и посадника иванка и всѣ новгородце и запраша братѣе свои и всѣхъ новгородьць: изберете собѣ игумѧна (л. 102–102об.; 6734)

“Ретроспективный” аорист дважды употреблен в Повести о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. (ПВЦ), причем в обоих случаях он указывает на уже известные читателю события:

(8.4) призвавъ брата исака, его же слѣпи, посади его на прѣстолѣ (л. 66; 6712)

(8.5) и лучины зажыгыше пүстиша на хоромы, ако ж и прѣж пожыгоша градъ (л. 68об.; 6712)

Здесь же встретился едва ли не единственный в НПЛ имперфект в ретроспективном контексте:

(8.6) и внидоша въ град фрази вси април въ •би• днѣ на ст҃го василиа исповѣдника въ понеѣ и сташа на мѣс, иде же стоаше цсрь грѣчьскыи, ү ст҃го сїса, и т҃ү сташа и на ночь (л. 70; 6712)

Употребление данных форм в ПВЦ, видимо, также объясняется особым характером этого текста. Как пишет Е. С. Истрина (1923, 199), “в исследованиях неоднократно отмечалось, что синтаксические явления вставных повестей, особенно же повести о взятии Царьграда, отличаются от основного текста Синод. списка. Частью различия носят книжный характер. Вставные повести написаны в общем языке, более сложным по конструкциям предложений, часто языком витиеватым... Далее, в вставных повестях встречаются некоторые особенности, которые могут быть отнесены к церковнославянскому влиянию и которые наблюдаются также в религиозных рассуждениях и отдельных выражениях, заимствованных из церковнославянской письменности”³¹. Многочисленные “ретроспективные” аористы представлены также в другой вставной повести – о битве на Калке (6732 г.)³².

При ретроспективном аористе довольно часто встречается эксплицитное указание на предшествование – наречие *преже* (ср. примеры (8.3) и (8.5)), что естественно, поскольку аорист обычно используется в летописи для изложения последовательных событий.

Аорист также может сочетаться с обстоятельством, указывающим время события (*event time adverbial*); ср. в рассказе о взятии Рязани татарами:

(8.7) тако же избиша княза и княгыню и мужи и жены и дѣти, черныца и черноризицы, иерѣа <...> а епспа үблюде бѣ: отѣха проче во тѣ годѣ, егда рать остүпи градъ (л. 122об.; 6746)

Наконец, в одном случае аорист передает событие, предшествующее другому событию, обозначенному плюсквамперфектом (начало этого текста см. в примере (7.4)):

(8.8) Уже бо баше церь отпустилъ рать на новъгородъ по ратнборову лживому слову, реч бо ратнборъ цсрю: новгородци тебе не слѣшаютъ (л. 149; 6778)

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Функциональное распределение между формами перфекта и плюсквамперфекта, каким оно предстает в свете разобранного выше материала, кажется, на первый взгляд, весьма необычным. Однако имеются языки, в которых можно обнаружить очень похожую ситуацию.

В работе Klein-Andreu (1991) рассматривается сборник новелл “Граф Луканор” (*El Conde Lucanor*, 1328–1335 гг.) крупнейшего средневекового испанского писателя Хуана Мануэля. В этом тексте конкурируют две формы – “старый” синтетический плюсквамперфект на *-ra*, восходящий к латинскому плюсквамперфекту (*cantaveram*), и “новый” аналитический, состоящий из вспомогательного глагола (*haber*) в форме имперфекта и причастия прошедшего времени. Ф. Клейн-Андреу обнаружила, что распределение этих форм подчиняется определенной закономерности, а именно: форма на *-ra* используется в высказываниях с “низкофокусной” референцией, неасертивных, в то время как аналитический плюсквамперфект, напротив, предпочитается для асертивных высказываний с “высокофокусной” референцией; ср.: “The data from *El Conde Lucanor* support a view of the original pluperfect indicative, the *-ra* form, becoming increasingly relegated to “low focus” reference (that is, to background events), as the new periphrastic pluperfect is preferred for foregrounding” (ibid., 173).

При этом, как показывают проведенные исследовательницей статистические подсчеты, аналитическая форма значительно чаще используется для обозначения новых, неизвестных читателю событий, в то время как форма на *-ra* предпочитается для напоминания о тех фактах, которые читателю уже знакомы³³. Любопытно также, что, согласно Клейн-Андреу, форма на *-ra* гораздо чаще, чем аналитический плюсквамперфект, встречается в относительных придаточных: как уже говорилось, то же самое характерно для перфекта в НПЛ.

Вообще говоря, связь между сообщением новой информации и употреблением плюсквамперфекта представляется вполне естественной: событие, о котором сообщается впервые, должно получить четкую таксисно-временную локализацию, и для этого используется плюсквамперфект. Напротив, событие, о котором читатель (слушатель) уже знает, тем самым, уже локализовано во времени, и поэтому

здесь вполне достаточно употребить немаркированную в плане таксиса форму – например, простое прошедшее.

Отсюда понятна и причина, по которой рестриктивные относительные придаточные в самых разных языках (по моим наблюдениям) предпочитают простое прошедшее плюсквамперфекту: поскольку их значение включает прагматическую презумпцию известности собеседнику того, о чем говорится, необходимость в локализации соответствующего события на временной оси отпадает. Плюсквамперфект избыточен в подобных контекстах. Так, в английских предложениях типа *A man came in yesterday who lost his wallet* простое прошедшее предпочтительнее, чем Past Perfect (при том что последний в принципе возможен). Действительно, говорящий, произнося эту фразу, скорее всего, предполагает, что собеседнику известно о потере кошелька, равно как и о том, что это произошло не вчера, а когда-то раньше³⁴.

Не случайна и связь между сообщением новой информации и результативным (перфектным) значением: новое событие (то, о котором сообщается впервые) обычно актуально, а это значит, что в той или иной степени сохраняется его результат. Неоднократно отмечалось, что в тех языках, где противопоставлены аналитический перфект и простое прошедшее время, первый обычно указывает на новое для собеседников событие, а для указания на уже известный факт используется второе. Э. Даль пишет, что суждение, содержащее “результативный перфект”, произносится “against a background state of affairs in which the event referred to in the sentence has not yet taken place. What is said then would be that the present state of affairs differs from the background one by the event taking place” (Dahl 1985, 134); ср. также: Leech (1971, 37); McCoard (1978, 77–79); Bertinetto (1986, 430–431).

Итак, проведенный анализ показывает, что в НПЛ перфект в “плюсквамперфектной” функции и собственно плюсквамперфект довольно отчетливо противопоставлены. Это противопоставление носит прежде всего дискурсивно-прагматический характер, откуда, в свою очередь, вытекают аспектуальные, модальные и прочие особенности данных форм.

Сделанные выводы, как представляется, могут быть полезны и для изучения каждой из этих форм в отдельности. Так, заслуживает внимания прагматическая сторона употребления плюсквамперфекта (некоторые отмеченные здесь тенденции, по всей видимости, не ограничены рамками НПЛ и книжного древнерусского языка). Кроме того, изложенные выше наблюдения могут быть использованы при рассмотрении вопроса о семантической эволюции перфекта (*л*-форм) в

рамках летописного узуса, а также общих закономерностей развития летописной письменной традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Первоначальный вариант данной работы был представлен в виде доклада на Семинаре по истории русского языка и культуры под руководством В. М. Живова в Институте русского языка им. В. В. Виноградова. Замечания и соображения, высказанные участниками семинара в ходе дискуссии, очень помогли мне в дальнейшей работе над этой темой. Очень важные поправки и комментарии по поводу предварительной версии настоящей статьи были предложены А. А. Гиппиусом, В. М. Живовым, Е. В. Падучевой и В. А. Плузганом. Массу полезной информации о семантике и типологии плюсквамперфекта, а также библиографические сведения я почерпнул из неопубликованной работы Д. В. Сичинавы 'Типология глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта'. Всем указанным лицам я приношу глубокую благодарность.

¹ "Le parfait dans l'ancien russe exprime un retour en arrière, c'est-à-dire une attitude rétrospective du sujet parlant: celui-ci se sert du parfait soit pour dresser le bilan du passé ... ou bien le parfait signale simplement un procès antérieur par rapport à celui que le context antécédant désigne" (Jakobson 1948, 29).

² Несколько особняком стоит работа К. ван Схооневелда, основанная на жестких структуралистских принципах. По его мнению, в рассматриваемом употреблении реализуется "инвариантное" значение перфекта (точнее, "перфектов", поскольку ван Схооневелд относит сюда и плюсквамперфект), а именно, значение процесса, предшествующего моменту речи и принадлежащего к "объективным знаниям" (van Schooneveld 1959, 165).

³ Любопытно, что очень похожая ситуация наблюдается в классическом библейском иврите (Пятикнижие, книги Иисуса Навина, Судей, Царств). Здесь последовательные действия передаются специальной нарративной формой, а в случаях нарушения нарративной последовательности (практически тех же самых, которые указывает Э. Кленин для древнерусского летописного перфекта!) выступает перфект. Однако в классическом древнееврейском перфект гораздо последовательнее выполняет указанные функции, чем в Лаврентьевской летописи; ср. Ваауен (1997); Лёзов, Эйделькинд (1999).

⁴ К. Герингер (Goeringer 1995) рассматривает плюсквамперфект с имперфектной связкой в Лаврентьевском списке Повести временных лет как маркированный, на том основании, что в этом памятнике он употребляется гораздо реже, чем форма с аористой связкой (72%). В НПЛ, однако, обратная картина: формы с имперфектной связкой составляют 75%.

⁵ Ср. новгородскую берестяную грамоту № 724 (1166/1167 гг., согласно НБГ 1990–1996, 25) – практически единственный (из обнаруженных до сих пор документов) достаточно длинный книжный нарративный текст столь раннего времени, который начинается фразой: *оставили мя были людье* (Зализняк 1995б, 295–300). Д. В. Сичинава (2001, 102–103) предложил называть эту функцию плюсквамперфекта (представленную во множестве языков мира) "сдвигом начальной точки". Такое употребление вполне нормально и для ряда современных европейских языков (например, французского, итальянского, немецкого), но, насколько можно судить, не встречается в русском церковнославянском.

⁶ Нужно иметь в виду, что в формальном плане полного параллелизма также не было, поскольку книжный плюсквамперфект состоял из двух форм: *бяхъ/бѣхъ шьль*, а разговорный – в рассматриваемый период – из трех: *есмь былъ шьль* (в 3-ем лице, как обычно у перфекта, связка *есмь/суть* отсутствовала) (van Schooneveld 1959, 134–140; Горшкова, Хабургаев 1997, 326). В НПЛ есть всего один такой пример не в 3-ем

лице: “И пришьдь (Ярослав Всеволодович – П. П.), створи вѣче въ владычнии дворѣ и рече, яко «не мыслить есмь до пльсковичь груба ничегоже; нѣ *везлъ есмь былъ* (курсив мой – П. П.) въ коробьях дары: паволоки и овощь, а они мя обыществовали»; и положи на нихъ жалобу велику.” (л. 104; 6736).

⁷ Для изучения функций видо-временных форм в нарративе большое значение имеет введенное Э. Бенвенистом (Benveniste 1959) противопоставление плана речи (plan de discours) и плана повествования (plan de l’histoire). На примере французского языка Бенвенист продемонстрировал, что в нарративе отсутствует фигура говорящего/пишущего, при этом в нем может использоваться иной набор временных форм, чем в прямой речи. Е. В. Падучева (1996) показала, что в нарративе ориентированные на говорящего действительные элементы разговорного языка (к которым относятся и видо-временные формы) либо вовсе не употребляются, либо меняют интерпретацию, т. е., в терминологии Падучевой, переходят из речевого режима интерпретации в нарративный.

⁸ Например, фраза: *и почаша ѣздити оканьнии по ѹлицамъ пишюче дома хрѣстьяньскыа, зане навелъ вѣ за грѣхы наша ис пустына звѣри дивилаа асти сильныхъ пѣти и пити кровъ воарьскю* (л. 137об.–138; 6767) – не относится к числу интересующих нас в данном случае, поскольку здесь представлена авторская реплика от 1-го лица; ср. употребление действительного местоименного прилагательного *наша* (как указывает А. А. Гиппиус 1996, 308, здесь использован библейский текст: Иез. 39, 18).

⁹ Я очень признателен А. А. Гиппиусу и В. С. Гольшенко за возможность использовать подготовленный ими электронный текст НПЛ. В ряде случаев словоделение в этом тексте не совпадает с тем, которое принято в издании под редакцией А. Н. Насонова (НПЛ 1950). Знаки препинания расставлены мной. В скобках указаны номер рукописного листа и погодная статья.

¹⁰ Любопытно, что в позднем древнерусском летописании, по мере все большего проникновения -л-форм (бывшего перфекта) в повествование, они все чаще встречаются в “имперфектных” контекстах. Как показал В. М. Живов (на основании статистических подсчетов), в Мазуринском летописце конца XVII в. (ПСРЛ, т. XXXI) “л-формы вытесняют имперфект в несколько большей степени, чем аорист” (Живов 1995, 61). Это же явление отмечено в Московском летописном своде 1479 г. (ПСРЛ, т. XXV) (см. Таубе 1980) и в Пискаревском летописце первой половины XVII в. (ПСРЛ, т. XXXIV) (см. Петрухин 1996). С точки зрения развития летописного языка чрезвычайно интересно, что уже в столь раннем тексте, как НПЛ, можно наблюдать единичные примеры того употребления перфекта, которое приобретет характер устойчивой тенденции в позднем летописании.

¹¹ Особо нужно отметить четыре формы – *засекли* (л. 19; 6645); *ѹгошили* (л. 43об.; 6688); *оболочили сѧ* (л. 49об.; 6698); *приалъ* (л. 67об.; 6712), которые следуют непосредственно за плюсквамперфектом как однородные сказуемые и сообщают о последовательных событиях. В принципе они могут рассматриваться как плюсквамперфект с опущенной связкой (т. е. имеющий общую связку с предыдущей формой); ср., например: *томъ ж лѣтъ извища пльсковници чюдъ поморьскюю: пришли бо блху въ •ѣ• шнекъ и оболочили сѧ около порога въ озеро, и ѹдарыша на не пльсковници и не ѹпустиша ни муж, а шнеке привезоша пльскову въ городъ. Похожим образом, видимо, объясняется еще один пример: *и стоаша подъ городомъ недлю, но города не взяша, но дѣти помаша ѹ добрыхъ мужъ в тали и отидоша проче. и тако быша безъ мира, блху бо переѣтъ держаче с нѣмци пльсковичи, и подъвели ихъ твердило нванковичъ съ нѣмци, и самъ поча владѣти пльсковомъ с нѣмци воюа села новгородьскаа* (л. 127об.–128; 6748). О конструкции типа *блху держаче* см. van Schooneveld 1959, 141–147.*

¹² Термин “анафорический” несколько неудобен тем, что в силу сложившейся традиции он вызывает устойчивые ассоциации с семантикой местоимений. Однако денотативная семантика имеет дело не только с “объектами”, но и с “ситуациями”, разворачивающимися во времени; ср. распространенный в англоязычной литературе

термин “temporal anaphora” (например, в Partee 1984), так что это прилагательное, как представляется, можно применить и к рассматриваемой функции перфекта.

¹³ Буквально здесь сказано, что Ростислав просидел в Новгороде 8 лет и 4 месяца, хотя на самом деле, как показывает хронология событий, речь может идти только об одном годе и четырех месяцах. Действительно, в Комиссионном списке летописи сказано: *сѣдѣвъ лѣто и 4 мѣсяци*. Очевидно, что в Синодальный список закралась ошибка, механизм которой, скорее всего, был таков. Первоначально было сказано: *сѣдѣвъ (въ) новѣгородѣ лѣто и •д• мѣцѣ*. Один из переписчиков ошибся (в силу так наз. “предвосхищения”) и вставил перед *лѣто* “и восьмеричное”, получилось: *и лѣто и •д• мѣцѣ* (менее вероятно, что это была частица *и*). В свою очередь, следующий переписчик принял эту и за цифровое обозначение с пропущенным титлом, в результате чего и возникла представленная в Синодальном списке конструкция.

¹⁴ Некоторые трудности вызывает интерпретация глагола *правити*. Словари не дают его однозначного толкования в этом контексте: так, в Срезн. с вопросительным знаком предложено толкование ‘отбирать’, в СлРЯ XI–XVII вв. – также со знаком вопроса – ‘отбирать на законном основании’, поскольку в памятниках у этого глагола хорошо засвидетельствовано значение ‘выскаживать по приговору суда’. Справедливость последней интерпретации подкрепляется и тем, что в этом же летописном фрагменте как синоним *правити* употреблен глагол *исправити*: *того же лѣт приде кнѣзь миѡхилъ исправивъ товары ꙗ гюргѡ* (л. 101; 6733). *Исправити* вполне регулярно выступает в значении: ‘возвратить’, ‘вытребовать’ (Срезн.), ‘возвратить как собственность’, ‘возвратить что-либо, восстановив надлежащий порядок’ (СлРЯ XI–XVII вв.). В таком случае приведенную фразу можно понять так: князь Михаил с новгородцами пошел к Юрию, чтобы потребовать от него вернуть имущество, *незаконно* вывезенное им из Торжка и из всей “своей” (т. е. Михаила – “своей Михаилу”) волости.

¹⁵ В примере (2.1) речь идет не столько о временной, сколько о географической дистанции: под “Русской землей” здесь понимается Южная Русь. Сообщив о том, что посадник Мирослав вернулся в Новгород *не успев ницто же*, летописец как бы вновь обращает взор в сторону Южной Руси и напоминает о тех событиях, которые там, в Киеве и близлежащих княжествах, собственно, произошли и в которые сами новгородцы предпочли не вмешиваться. О названии “Русская земля” см., в частности: Кучкин (1995).

¹⁶ Любопытно, что в НПЛ дважды (ср. пример (2.2)) представлено относительное местоимение *оже* с релятивизатором *то* (Зализняк 1981, 103), и в обоих случаях сказуемым при нем выступает перфект.

¹⁷ Данному фрагменту непосредственно предшествует следующая фраза: *въ лѣт •ѣ•хъ•кѡ• прѣстави са дѣмитръ завидиць посадникъ новѣгородскыи ицѡла въ •ѣ• посадникъ новѣгородскыи* (так в рукописи) *посадницѡвъ •ѣ• мѣць одинꙋ*. А. А. Гиппиус устно высказал предположение, что посадник Дмитрий Завидич и Ноздрьца, возможно, являются одним и тем же лицом – ср. сообщение за 1195 г.: *томъ ж лѣт сѣрѡвниша црѣвь новꙋ сѣтѡ въздвиженнѡ и сѣтѡ васнила и сѣтѡ дмитриѡ ноздрьцинꙋ* (л. 55об.; 6703). В таком случае, смерть Дмитрия Завидича могла быть следствием упомянутого “грабежа”. С другой стороны, имя *Даньславъ* также едва ли могло принадлежать рядовому новгородцу; любопытно в этой связи, что в НПЛ упоминается *Даньславля* улица, которая находилась в Неревском конце Новгорода.

¹⁸ Так в рукописи.

¹⁹ Правда, по отношению к предложениям типа (а) Е. В. Падучева говорит не о прагматической пресуппозиции, а о семантической “презумпции существования и единственности объекта”. Разницу между ними Падучева (1985/2001, 58) формулирует так: “Семантическая презумпция предложения S – это суждение, которое слушающий должен считать истинным, чтобы предложение S было для него осмысленным; а прагматическая презумпция – это суждение, которое слушающему должно быть известно, чтобы высказывание было нормативным”. Очевидно, что эти две пресуппозиции

взаимосвязаны: слушающий обычно склонен считать истинным то, что ему известно; поэтому обычно они совпадают. Тем не менее, как указывает Падучева, существуют предложения, в которых семантическая пресуппозиция не дублируется прагматической, и наоборот (ibid.).

²⁰ На эту форму мне указал А. А. Гиппиус.

²¹ *Ани* возникло из *а они*, однако здесь не обязательно предполагать пропуск *о* по недосмотру: нельзя исключить, что, подобно тому как в древненовгородском диалекте сочетание **ѡо* (начальное *о* после проклитик с *ѡ*) могло развиваться, в частности, в *а* или *аа* (Зализняк 1993, 260–263; 1995б, 59), сочетание начального *о* с проклитикой *а* также могло давать *а*.

²² Ср. похожую фразу в берестяной грамоте № 605 (кон. 80-х гг. XI–первая треть XII в.): *а пришла есѣѡ, оли звонили* ‘А пришли мы (двое), когда [уже] звонили’ (Зализняк 1995б, 246). В обоих случаях союз *оли* ‘когда’ используется для указания на то, что в момент прибытия действующих лиц имеет место определенная ситуация: в грамоте № 605 – колокольный звон, в примере (4.1) – отсутствие неприятеля.

²³ “Исправленный” вариант того же фрагмента Повести о битве на Липице, в котором устранена всякая двусмысленность, находим в Московском летописном своде 1479 г., где говорится: *Князи же с Новгородци быша верху Волгы, а князь Святославъ осѣлъ бѣ городець Ржевку Мъстиславъ с полки. Мъстиславъ же со князем Володимиром Пъсковъским поиде вборзѣ къ городку, а они в то время отступуша прочь.* (л. 136об.; 6724).

²⁴ Так в рукописи.

²⁵ Так в рукописи.

²⁶ В нарративе, который понимается как такой текст, в котором реальные или вымышленные события излагаются в том порядке, в котором они предположительно происходили на самом деле (Comrie 1985, 28), момент референции (Reichenbach 1947) совпадает с текущим моментом повествования и, следовательно, продвигается вперед вместе с самим повествованием. Поскольку в древнерусских летописях основным временем нарратива является аорист (у которого время действия и время референции совпадают), то эта форма обычно и указывает на время референции для плюсквамперфекта.

²⁷ Плюсквамперфект с *еще (бо)* не представлен рядом примеров и в Повести временных лет (Goeringer 1995, 323–324).

²⁸ Е. В. Падучева выделяет в современном русском языке особую лексику *быть*₂ с двунаправленным значением, которое несовместимо с актуально-длительным значением несовершенного вида и характерно для глаголов типа *побывать* (Падучева 2002).

²⁹ О конструкции с *было* см. Varentsen (1986); Шошитайшвили (1998); Князев (2003).

³⁰ Разницу между двумя придаточными можно определить следующим образом: при постановке отрицания ко всему предложению пример (7.1) лишается смысла, в то время как (3.5) остается вполне осмысленным (что свидетельствует о наличии в придаточном сведений, составляющих пресуппозицию); ср. Падучева (1974).

³¹ Употребление перфекта и плюсквамперфекта в ПВД также не подчиняется тем закономерностям, которые характерны для основного текста НПЛ.

³² Можно предположить, что такое употребление обусловлено влиянием церковнославянских переводов с греческого: в греческом языке (как древнем, так и византийского периода) в “предпрошедшем” в основном употреблялся аорист, в то время как форма, называемая обычно в грамматиках “плюсквамперфектом”, ограничивалась передачей состояния, отнесенного в прошлое (Перельмутер 1983). Эта особенность, по видимому, находила отражение в церковнославянских переводах, а следовательно, и в некоторых оригинальных восточнославянских книжных текстах (как полагают, к ним относится и ПВД; ср. Мещерский 1954), для которых образцом служил “престижный” язык переводов.

³³ В современном испанском форма на *-ra* (некогда бывшая плюсквамперфектом индикатива) относится к сослагательному наклонению. По мнению Клейн-Андреу, поведение этой формы в *El Conde Lucanor* свидетельствует о постепенной утрате ею ассертивного статуса, что в конце концов привело к ее вытеснению из сферы индикатива. Любопытно, однако, что, согласно Lunn, Cravens (1991), форма на *-ra* и сейчас регулярно используется для отсылки к известным событиям в журналистском языке (главным образом, в газетах); ср.: “The *-ra* form can be used to mark information which readers or hearers of the news are expected to know, i. e. information mentioned in a previous edition or a prior paragraph, or information which is assumed to be common knowledge” (ibid., 150). Как полагают авторы статьи, такое употребление в конечном счете является отголоском соответствующего дискурсивного статуса этой формы в средневековой испанской письменности – “a coherently describable continuation of options available since the earliest appearances of Spanish” (ibid., 154).

³⁴ О типологии относительного предложения и его связи с категорией определенности/неопределенности см. Benveniste (1958).

ЛИТЕРАТУРА

- Борковский, В. И., Кузнецов, П. С.: 1965, *Историческая грамматика русского языка*, Москва.
- Гимон, Т. В., Гиппиус, А. А.: 1999, ‘Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи’, *Новгородский исторический сборник*, вып. 7 (17), Санкт-Петербург, 18–47.
- Гиппиус, А. А.: 1992, ‘Новые данные о пономаре Тимофее – новгородском книжнике середины XIII века’, *Информационный бюллетень МАИРСК*, вып. 25, Москва, 59–86.
- Гиппиус, А. А.: 1996, *Лингво-текстологическое исследование синодального списка Новгородской первой летописи*, Дисс. на соискание ... канд. филол. наук, Москва, Институт славяноведения и балканистики РАН.
- Горшкова, К. В., Хабургаев, Г. А.: 1981, *Историческая грамматика русского языка*, Москва.
- Дурново, Н. Н.: 1924, *Очерк истории русского языка*, Москва, Ленинград; переиздано в: Н. Н. Дурново: 2000, *Избранные работы по истории русского языка*, Москва.
- Живов, В. М.: 1995, ‘Usus scribendi. Простые претериты у летописца-самоучки’, *Russian Linguistics* 19/1, 45–75.
- Зализняк, А. А.: 1981, ‘Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском’, *Балто-славянские исследования 1980*, Москва, 89–107.
- Зализняк, А. А.: 1988, ‘Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка’, *Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации*, Москва, 164–177.
- Зализняк, А. А.: 1993, ‘К изучению языка берестяных грамот’, В. Л. Янин, А. А. Зализняк, *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.)*, Москва, 191–321.
- Зализняк, А. А.: 1995а, ‘Берестяной документ XII в. о сборе югорской дани’, Н. Birnbaum, M. S. Flier (eds.), *The Language and Verse of Russia*. In Honor of Dean S. Worth. On his Sixty-fifth Birthday (UCLA Slavic Studies, New Series, Vol. II), Moscow: Vostochnaya Literatura Publishers, 283–290.
- Зализняк, А. А.: 1995б, *Древненовгородский диалект*, Москва.
- Зализняк, А. А., Падучева, Е. В.: 1975, ‘К типологии относительного предложения’, *Семиотика и информатика*, вып. 6, Москва.

- Истрина, Е. С.: 1923, 'Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи', *Известия Отделения Русского Языка и Словесности* **24** (1919 г.), кн. 2, 1923, 1–172; **26** (1921 г.), 1923, 207–239.
- Клосс, Б. М.: 1987, 'Летопись Новгородская первая', *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 1 (XI–первая половина XIV в.), Ленинград, 245–247.
- Клосс, Б. М.: 2000, 'Предисловие', *Новгородская четвертая летопись* (ПСРЛ, т. IV, ч. 1), Москва, XI–XX.
- Князев, Ю. П.: 2003, 'Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке', *Сокровенные смыслы*, Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой, Москва (в печати).
- Кузнецов, П. С.: 1959, *Очерки исторической морфологии русского языка*, Москва.
- Кучкин, В. А.: 1995, '«Русская земля» по летописным данным XI–первой трети XIII в.', *Древнейшие государства Восточной Европы*, Москва, 74–100.
- Лёзов, С. В., Эйделькинд, Я. Д.: 1999, 'Si vera lectio. Синтаксис речи рассказчика в древнееврейской повествовательной прозе', С. В. Лёзов, С. В. Тищенко (ред.), *Библия: литературоведческие и лингвистические исследования*, вып. 2: Синтаксис древнееврейской повествовательной прозы, Москва, 117–259.
- Мещерский, Н. А.: 1954, 'Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году', *ТОДРЛ* **10**, Москва, Ленинград; перепечатано в: Н. А. Мещерский, *Избранные статьи*, Санкт-Петербург, 1995, 190–211.
- Молошная, Т. Н.: 1996, 'Плюсквамперфект в системе грамматических форм глагола в современных славянских языках', *Русистика. Славистика. Индоевропеистика*, Сборник к 60-летию А. А. Зализняка, Москва, 564–573.
- Насонов, А. Н.: 1951, '«Русская земля» и образование территории Древнерусского государства', Москва.
- НБГ: 1990–1996 – В. Л. Янин, А. А. Зализняк: *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.)*, Москва, 2000.
- НПЛ: 1950 – *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, под ред. и с предисл. А. Н. Насонова, Москва, Ленинград; 2-е изд.: Москва, 2000.
- Падучева, Е. В.: 1974, *О семантике синтаксиса*, Москва.
- Падучева, Е. В.: 1985/2001, *Высказывание и его соотносительность с действительностью*, Москва, 1985; 2-е изд.: Москва, 2001 (ссылки даны по 2-му изд.).
- Падучева, Е. В.: 1996, *Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*, Москва.
- Падучева, Е. В.: 2002, *О дескриптивном и семантическом подходе к синтаксису: родительный субъекта в отрицательном предложении*. (Распечатка к докладу).
- ПБЛ – 'Повесть о битве на Липице' (подготовка текста, перевод и комментарии Я. С. Лурье), *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 5, Санкт-Петербург, 1997, 74–87.
- ПВЛ – *Повесть временных лет*, т. 1–2, подготовка текста, перевод и примечания Д. С. Лихачева, Москва, Ленинград, 1950.
- Перельмутер, И. А.: 1983, 'Статив, результатив, пассив и перфект в древнегреческом языке (язык Гомера)', В. П. Недялков (ред.), *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*, Ленинград, 142–148.
- Петрухин, П. В.: 1996, 'Нарративная стратегия и употребление глагольных времен в русской летописи XVII в.', *Вопросы языкознания*, вып. 4, 62–84.
- Плунгян, В. А.: 2001, 'Антирезультатив: до и после результата', В. А. Плунгян (ред.), *Исследования по теории грамматики: Вып. 1: Глагольные категории*, Москва, 50–88.
- ПСРЛ – *Полное собрание русских летописей*, издаваемое Археографической комиссией, т. I–XLII, Санкт-Петербург; Москва, 1841–2002.
- Сичинава, Д. В.: 2001, 'Плюсквамперфект и ретроспективный сдвиг в языке сантали', В. А. Плунгян (ред.), *Исследования по теории грамматики: Вып. 1: Глагольные категории*, Москва, 89–114.

- Сичинава, Д. В.: 2002, *Типология глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта*, дипломная работа, МГУ.
- СлРЯ XI–XVII вв. – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–, Москва, 1975–.
- Срезн. – И. И. Срезневский. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. I–III. Санкт-Петербург, 1893–1903.
- Успенский, Б. А.: 1987/2002, *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, München 1987; 3-е изд., Москва 2002 (ссылки даны по 3-му изданию).
- Хабургаев, Г. А.: 1978, 'Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке', *Вестник МГУ*, Сер. 9, Филология, № 4, 42–53.
- Шоштайшвили, И. А.: 1998, 'Русское «было»: путь грамматикализации', *Русистика сегодня* 3/4, 59–78.
- Янин, В. Л.: 1977, 'Церковь Бориса и Глеба в новгородском Детинце (о новгородском источнике «Жития Александра Невского）」', В. Л. Янин, *Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород*, Москва, 123–135.
- Vaayen, R. H.: 1997, 'The pragmatics of the 'tenses' in Biblical Hebrew', *Studies in Language* 21/2, 245–285.
- Varensen, A. A.: 1986, 'The use of the particle БЫЛО in modern Russian', *Dutch Studies in Russian Linguistics*, Amsterdam, vol. 8, 1–68.
- Benveniste, E.: 1958, 'La phrase relative, problème de syntaxe générale', *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, v. 53, f. 1, 1957–1958; русский перевод: Э. Бенвенист, 'Относительное предложение как проблема общего синтаксиса', Э. Бенвенист, *Общая лингвистика*, Москва, 1974.
- Benveniste, E.: 1959, 'Les relations de temps dans le verbe français', *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, v. 54, 1959; русский перевод: Э. Бенвенист, 'Отношения времени во французском глаголе', Э. Бенвенист, *Общая лингвистика*, Москва, 1974.
- Bertinetto, P.-M.: 1986, *Tempo, aspetto e azione nel verbo italiano*, Firenze.
- Comrie, B.: 1985, *Tense*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Dahl, Ö.: 1985, *Tense and aspect systems*, Oxford.
- Goeringer, K.: 1995, 'The Motivation of Pluperfect Auxiliary Tense in the Primary Chronicle', *Russian Linguistics* 19/3, 319–332.
- Issatschenko, A.: 1980–1983, *Geschichte der russischen Sprache*, 1–2, Heidelberg.
- Jakobson, R.: 1948, 'Quelques remarques sur l'édition critique du *Slovo*, sur sa traduction en langues modernes et sur la reconstruction du texte primitif', *La Geste du Prince Igor. Épopée russe du douzième siècle. Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves* 8 (1945–1947), Henri Gregoire, Roman Jakobson, Marc Szeftel (eds.), assisted by J. A. Joffe, 5–37.
- Klein-Andreu, F.: 1991, 'Losing ground: A discourse-pragmatic solution to the history of -ra in Spanish', S. Fleischman & L. Waugh (eds.), *Discourse-Pragmatics and the Verb: The Evidence from Romance*, L.: Routledge, 164–178.
- Klenin, E.: 1993, 'The Perfect Tense in the Laurentian Manuscript of 1377', R. A. Maguire & A. Timberlake (eds.), *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists. Bratislava, August–September 1993. Literature. Linguistics. Poetics*, Columbus, Ohio, 330–343.
- Klenin, E.: 1997, 'Legends and Language in Sixteenth-Century Moscow', A. M. Kleimola & G. D. Lenhoff (eds.), *Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584*, Moscow (= UCLA Slavic Studies, New Series, Vol. 3), 303–305.
- Leech, G. N.: 1971, *Meaning and the English verb*, London.
- Lunn, P. V., Cravens, T. D.: 1991, 'A contextual reconsideration of the Spanish -ra "indicative"', S. Fleischman & L. Waugh (eds.), *Discourse-Pragmatics and the Verb: The Evidence from Romance*, L.: Routledge, 147–163.
- McCoard, R. W.: 1978, *The English Perfect: Tense-choise and Pragmatic Inferences*, Amsterdam.
- Partee, B. H.: 1984, 'Nominal and temporal anaphora', *Linguistics and Philosophy* 7, 243–286.
- Reichenbach, H.: 1947, *Elements of Symbolic Logic*, New York.

- Schooneveld van, C. R.: 1959, *A Semantic Analysis of the Old Russian Finite Preterite System*, 's-Gravenhage (= Slavistische drukken en herdrukken 7).
- Taube, M.: 1980, 'On the Penetration of the Perfect into the Russian Narrative System', *Russian Linguistics* 5/2, 121–131.

Москва

ppetrukhin@yahoo.com